

27 августа 2018

О писателе и его творчестве мы можем знать, как минимум, следующее: он и оно двигаются вдвоем по самому совершенному лабиринту, какой только можно себе представить, по длинной кольцеобразной дороге, где пункт назначения совпадает с отправной точкой: одиночеством.

Я покидаю Амстердам. Несмотря на полученные здесь сведения, мне трудно сказать, знаю ли я теперь Т.Ш. Элимана лучше, чем раньше, или его тайна стала еще более непроницаемой. Я мог бы вспомнить парадокс, присущий всякой погоне за знанием: чем больше мы узнаём о каком-либо фрагменте мира, тем яснее представляем себе объем непознанного и степень нашего невежества; но даже это сравнение могло бы лишь отчасти передать чувство, которое вызывает у меня этот человек. Тут нужно более жесткое определение, то есть более пессимистичное в смысле самой нашей способности постигнуть чужую душу. Его душа похожа на черную дыру, которая притягивает и поглощает все, что к ней приближается. Поразмышляв над его жизнью, чувствуешь печаль, смирение или даже отчаяние, и шепчешь: мы не можем ничего узнать о душе человеческой, да и узнавать тут нечего.

Элиман ушел в Ночь. Легкость, с какой он простился с солнцем, завораживает меня. Исчезновение его тени

завораживает меня. Его цель в жизни — тайна, которую я мучительно пытаюсь разгадать. Я не знаю, почему он умолк, когда ему еще так много оставалось сказать. Но больше всего я страдаю от того, что не могу подражать ему. Всякий раз, когда встречаешься с молчальником, настоящим молчальником, возникает вопрос: в чем смысл — и в чем необходимость — твоего собственного слова, и пронзает мысль: а вдруг это слово — всего лишь докучная болтовня, замусоривание речи?

Сейчас я заткну рот и брошу тебя на этом месте, о мой Дневник. Сказки Матушки-Паучихи утомили меня, Амстердам меня истощил. Меня ждет дорога одиночества.

I

Писателям-африканцам моего поколения (которое скоро уже нельзя будет назвать молодым) Т.Ш. Элиман дает пищу для истовых и ожесточенных литературных баталий. Его книга была одновременно храмом и ареной борьбы; мы входили в нее словно в гробницу бога, а в итоге оказывались на коленях в луже собственной крови, пролитой во славу шедевра. Одна-единственная его страница создавала у нас впечатление, что мы имеем дело с настоящим писателем, самобытным и неповторимым, из тех светил, что восходят в небе данной литературы лишь однажды.

Вспоминается один из многочисленных ужинов, которые мы провели, говоря о его книге. В разгар дискуссии Беатрис, чувственная и неукротимая Беатрис Нанга (я надеялся, что когда-нибудь она задушит меня своими грудями), выпустив коготки, изрекла, что только произведения настоящих писателей достойны служить поводом для ожесточенных споров, что только они могут разогреть кровь, как выдержанный виски, и если ради вялого, бесхребетного консенсуса мы уклонимся от отчаянной схватки, к которой они нас подстрекают, то станем позором литературы. Настоящий писатель, добавила она, зовет настоящих читателей к кровавым усобицам, между ними непрерывно идет война; и если вы не готовы отдать жизнь

на ристалище, вырвав у противников трофеей — козлиную тушу, как в игре бузкаши, — то убирайтесь вон и подышайте в своей теплой моче, которую вы принимаете за высокосортное пиво: вы кто угодно, только не читатель, а уж тем более не писатель.

Я поддержал Беатрис Нанга, когда она закончила свою пламенную речь. Т. Ш. Элиман был даже не классик, ему был посвящен целый культ. Создание литературного мифа — это игровой стол; Т. Ш. Элиман сел за него и разыграл три самых важных козыря, какими только можно обладать: во-первых, он выбрал себе имя с загадочными инициалами; во-вторых, написал одну-единственную книгу; и наконец, бесследно исчез. Да, чтобы завладеть этой тушей, и правда стоило поставить на кон собственный нос.

Можно усомниться в том, что человек по имени Т. Ш. Элиман когда-то действительно существовал; или предположить, что это псевдоним, который придумал себе некий известный автор, чтобы подшутить над литературным миром или чтобы спрятаться от него; но нельзя поставить под сомнение мощь и правдивость этой книги: прочитав последнюю страницу, вы чувствуете, как жизнь со всей своей силой и чистотой снова наполняет вам душу.

Был ли Гомер историческим лицом с реальной биографией? Этот вопрос и сегодня не перестает занимать нас. Но, по сути, он никак не влияет на впечатления человека, прочитавшего «Илиаду» или «Одиссею»; Гомер, кем бы или чем бы он ни был на самом деле, это тот, к кому обращена признательность восхищенного читателя. Равным образом для нас не имеет значения, что скрывается за именем «Т. Ш. Элиман» — реальная личность, мистификация или легенда: нам важно лишь, что это имя стоит на книге, изменившей наш взгляд на литературу. А быть может, и на жизнь. «Лабиринт бесчеловечности» — так она называлась, и мы тянулись к ее страницам, как ламантиньи из

В ТАЙНИКАХ ПАМЯТИ

высыхающей речной заводи движутся вверх по реке к живительным истокам.

«Вначале было пророчество, и был Король; и пророчество поведало Королю, что земля даст ему безграничную власть, но потребует за это прах старцев, и Король согласился; он тут же начал сжигать своих престарелых подданных, а затем разбросал их останки вокруг дворца, где в скором времени вырос лес, который прозвали лабиринтом бесчеловечного».

II

Как мы встретились, эта книга и я? Как и все в этом мире — случайно. Но я помню, что мне сказала однажды Матушка-Паучиха: случай — это всякий раз не что иное, как судьба, вмешательства которой не замечают. Однако впервые я прочел «Лабиринт бесчеловечности» совсем недавно, чуть больше месяца назад. Нельзя сказать, впрочем, что раньше я ничего не слышал об Элимане: его имя было знакомо мне еще с лица. Оно попало мне в сборнике «Краткий обзор негритянских литератур», одной из тех неистребимых антологий, которые еще с колониальной эпохи служили учебным пособием по словесности для школьников франкоязычной Африки.

Это было в 2008 году, в выпускном классе военного интерната на севере Сенегала. Я тогда уже начал интересоваться литературой, и у меня зародилась юношеская мечта стать поэтом; вполне банальное желание в этом возрасте, когда открываешь для себя величайших из них и вдобавок живешь в стране, над которой все еще нависает гигантская тень Сенгора¹; иными словами, в стране, где поэзия остается одной из величайших ценностей. Это была эпоха, когда

¹ Сенгор, Леопольд Седар (1906–2001) — сенегальский и французский политик, поэт и философ; первый президент Сенегала.

девушек соблазняли стихами, выученными наизусть либо собственного сочинения.

Итак, я зачитывался поэтическими антологиями, словарями синонимов, редких слов, рифм. И сам писал одиннадцатисложником ужасающие вирши, где полно было всяких «тускнеющих слез», «надтреснутых небес» и «стеклянных зорь». Я подражал, пародировал, а то и прямо заимствовал. Я лихорадочно перелистывал «Краткий обзор негритянских литератур». И именно там, рядом с классиками негритянских литератур вроде Чичелле Чивела и Чикайя У Там'си, мне встретилось незнакомое имя: Т.Ш. Элиман. Очерк, посвященный этому автору, настолько отличался от прочих текстов в «Кратком обзоре», что я решил прочесть его целиком. Там было сказано следующее (книга до сих пор у меня):

«Т.Ш. Элиман родился в Сенегале. Получил стипендию для учебы в Париже, куда переехал и в 1938 году опубликовал книгу «Лабиринт бесчеловечности», которую Судьба отметила печатью трагического своеобразия.

И что это была за книга! Шедевр, созданный молодым африканским негром! Во Франции подобного еще не видали! И завязался один из тех литературных споров, какие могут возникнуть и обрести популярность только в этой стране. У «Лабиринта бесчеловечности» было столько же поклонников, сколько и ниспровергателей. Но в момент, когда молва прочила автору престижную премию, случился неприятный литературный казус, который оборвал его взлет. Книгу забросали грязью; что до молодого автора, то он исчез с литературной сцены.

А затем началась война. С конца 1938 года о Т.Ш. Элимане не было никаких вестей. Его дальнейшая судьба остается загадкой, несмотря на ряд любопытных гипотез (по этому вопросу стоит почитать короткое эссе журналистки Б. Боллем «Кем на самом деле был негритянский

Рембо? Одиссея призрака», издательство «Зонд», 1948). Напуганный полемикой, которую вызвал роман, издатель изъял его из продажи и уничтожил весь тираж. Повторной публикации «Лабиринт бесчеловечности» так и не дождался. Сегодня это библиографическая редкость.

Повторим еще раз: юный автор был талантлив. Возможно, даже гениален. Жаль, что он посвятил себя живописанию отчаяния: его чересчур пессимистичная книга подтверждает пришедшее из колониальных времен восприятие Африки — мрачной, жестокой, варварской. Континент, который успел так настрадаться и которому предстояло страдать в будущем, был вправе ожидать от своих писателей более позитивного образа».

Прочитав эти строки, я тут же устремился на поиски следов Т. Ш. Элимана или, точнее, следов его призрака. Несколько недель я пытался добыть дополнительные сведения о его судьбе, но не узнал ничего нового по сравнению с тем, что вычитал в «Кратком обзоре». Не нашлось ни одной фотографии Т. Ш. Элимана. На немногочисленных сайтах, где я встречал его имя, о нем упоминали так бегло и так туманно, что вскоре я понял: там знают не больше моего. Все или почти все называли его «скандальным африканским автором периода между двумя войнами», не объясняя причину этой скандальности. О книге я тоже не узнал практически ничего нового: она не удостоилась ни одного серьезного разбора, не стала предметом ни одного исследования, ни одной диссертации.

Однажды я поговорил об этом с другом моего отца, который преподавал в университете литературу Африки. Слишком короткая жизнь Элимана во французской словесности, сказал он (сделав ударение на «французской»), не позволила сенегальцам открыть для себя его творчество. «Это творение бога-евнуха. О «Лабиринте бесчеловечности» иногда рассуждали как о священной книге. Но на самом

деле она не стала фундаментом какой-то новой религии. Никто уже не верит в эту книгу. А может, в нее и раньше никто не верил».

Но я тогда находился в военном интернате, затерянном в джунглях, и это ограничивало мои возможности. Поэтому я отказался от дальнейших розысков, смирившись с простой и жестокой правдой: Элиман стерт не только из памяти литературы, но, по-видимому, и из памяти людей, в том числе соотечественников (известно, впрочем, что первыми вас всегда забывают именно соотечественники). «Лабиринт бесчеловечности» принадлежал к иной, альтернативной (или, наоборот, *основной*) истории литературы — истории затерявшихся в закоулках времени даже не проклятых, а попросту забытых книг, чьи не востребованные останки усеивают полы темниц без тюремщиков и служат вехами на бесконечных и пустынных оледеневших тропинках.

Я решил больше не думать об этой печальной истории и снова стал неуклюжими виршами сочинять поэмы о любви.

В конечном счете моей самой ценной находкой оказалась найденная на каком-то интернет-форуме длиннющая первая фраза «Лабиринта бесчеловечности» — казалось, она одна уцелела от книги, уничтоженной семьдесят лет назад: «Вначале было пророчество, и был Король; и пророчество поведало Королю, что земля даст ему безграничную власть, но потребует за это прах старцев» и т. д.